

Кавказский контекст российской истории в XXI веке

Куликов Анатолий Сергеевич, генерал армии,

Президент Клуба военачальников

Российской Федерации,

доктор экономических наук

Тенденции общественного развития последних десятилетий требуют переосмысления непростых вопросов, связанных с нашей готовностью (или способностью) принимать оптимальные решения на неординарных поворотах истории. Поиск ответов – процесс, не исключающий ошибок и заблуждений, последствия которых порождают новые вызовы и угрозы, актуальные в текущий момент и проецируемые в будущее. Рассматривать весь клубок вопросов, замкнутых на Северном Кавказе, необходимо в увязке с внутренними российскими проблемами и особенностями развития в ближнем и дальнем зарубежье.

Россия остаётся самой большой мировой державой, обладающей богатым энергетическим ресурсом, разнообразием минерально-сырьевых запасов, источниками питьевой воды, громадными неосвоенными территориями и низким демографическим потенциалом. Не имеющая себе равных по материальным богатствам, Россия для значительного числа её граждан не является благополучной страной, и новые поколения нередко видят своё будущее вне Родины. **Это**, на наш взгляд, **самый мощный вызов национальной безопасности**, ускорителем которого является нарастающий кризис глобального мира, связанный с изменением климата, ухудшением экологии, истощением ресурсов и сужением среды обитания на планете. Познавание этой парадигмы имеет важное, если не главное значение при построении стратегии развития и выработке практических мер по

парированию угроз национальной безопасности государства, защите наших внутренних и внешних национальных интересов. Угрозы национальной безопасности реально существуют, прямо или косвенно себя проявляют и требуют тщательного анализа наступивших или прогнозируемых последствий.

После распада СССР в самой России возникли процессы, угрожающие её территориальной целостности, конституционному строю, жизни населения. Самые опасные: парад "суверенитетов"; экономический коллапс; нарастающий экстремизм и деятельность вооруженного террористического подполья; имущественное расслоение населения и безработица; высокий миграционный натиск из вне и внутреннее брожение собственного незанятого населения в поисках работы и средств к существованию; недоверие к власти вследствие её коррумпированности и неспособности обеспечить насущные жизненные потребности народа.

Каждый из названных процессов, будь он даже в единственном числе, способен стать губительным для страны. А в нашей истории все негативные факторы сошлись в одно время и в одном месте. На доктринальном уровне это состояние нашего государства обозначено как системный политический и социально-экономический кризис конца XX века, который большими усилиями и дорогой ценой был преодолён¹.

Справедливости ради, необходимо сказать, что нейтрализовать столь тяжёлые проблемы в течение одной президентской каденции было бы невозможно. Тем более невозможно было решить президенту, не опиравшемуся на поддержку большинства активного населения (*сейчас становится известным, что в 1996 г. Б.Н. Ельцин получил президентский мандат в результате нарушений избирательных процедур и потому не был облечён доверием населения*²). Поэтому вышеназванные деструктивные процессы растянулись во времени и приняли хронический характер.

Особенно тяжелые последствия наступили на Юге России, в частности, в Чеченской Республике, где федеральная власть к тому времени утратила все рычаги политического влияния на обстановку. Искры локального конфликта, возникшего в одном субъекте Федерации, постепенно были разнесены в соседние территории. Возникла реальная угроза расчленения страны. Потребовалось более пятнадцати лет сложнейших политических, военных, экономических усилий, чтобы в регионе возобладал закон, а страна получила возможность перегруппировать ресурсы на решение других неотложных задач. Насколько эффективны были эти меры, сохраняется ли опасность рецидива и каковы перспективы развития общественно-политической обстановки в регионе? Попробуем проанализировать этот контекст в современном измерении и прогнозировать будущее на Юге России.

Сегодня в представлениях среднестатистического россиянина Северный Кавказ являет собой самый некомфортный регион, пребывание в котором связано с большими рисками для жизни, здоровья и личного достоинства. Уже витают рассуждения: "Россия и Кавказ – вместе или врозь?". Коварная постановка вопроса! Она допускает мысль об отделении. Кто-то всерьёз задумывается и считает, что спокойнее и сытнее было бы без Кавказа.

На самом деле – Кавказ есть неотъемлемая часть России, за которую в разные века и в новейшие времена заплачено большой кровью. Сошлёмся на данные, порождённые событиями недавней истории³. Только за периоды военных действий 1993-1996 гг. и 1999-2002 гг. в Чечне потери федеральных сил (Минобороны, МВД, ФСБ) составили: убитых – 10447 человек, пропавших без вести – 1243 человека. В ходе обеих военных кампаний ранено 35343 человека. Эти цифры публиковались в разных источниках, озвучивались должностными лицами силовых ведомств и потому могут быть приняты за официальные данные. Правозащитный центр "Мемориал" и

Комитет солдатских матерей ведут свои учёты и их цифры в разы превышают официальные. Одно не оспаривается: война отняла десятки тысяч молодых, сильных, образованных представителей такого дефицитного в демографическом плане мужского населения страны!

Относительно потерь мирного населения арифметика ещё более запутанная. Тот же "Мемориал" считает погибшими в результате военных действий в Чечне 50 тысяч человек, а Секретарь Совета Безопасности РФ А.Лебедь в 1996 г. называл 80 тысяч человек. По моим оценкам, в первой кампании (1994-1996 гг.) потери населения (включая членов НВФ) составили 23-25 тыс.человек. Отдадим себе отчет, что даже эти страшные цифры жертв отражают не все потери мирного населения, т.к. не учитывают погибших до начала военной операции, в том числе в Чечне в результате многочисленных актов насилия против представителей нетитульной нации.

Прошло почти 20 лет с того времени, как на территории России пустил корни и окопался в кавказском подполье международный терроризм. За прошедшие десятилетия мы болезненно пережили факт ведения на своей территории необъявленных войн и террористических атак. В результате только тех терактов в разных городах России, жертвами которых разово оказалось большое число людей, за годы развязанного террора против мирного населения погибло 2676 человек, ранено 6865. Точность этих цифр тоже относительна, т.к. судьбу пострадавших от ран и увечий никто не отслеживает.

За постсоветские десятилетия мы, родившиеся и большую часть жизни прожившие в XX веке, впервые узнали, что такое экстремизм и ксенофобия на практике. Это не только беспорядки на Манежной площади в Москве, которые много транслировались в эфире и произвели впечатление на большую аудиторию. Экстремизм и ксенофобия это – изгнание нетитульных народов из национальных окраин бывшего союзного государства, из

национальных республик на Северном Кавказе, это их физические истребление. Об этом вообще очень мало говорится. Тогда такие события не находили освещения в медиасфере и для немалой части общества так остались незамеченными, но навсегда отложились в генетической памяти их переживших. Эти жертвы оказались не удостоенными ни сочувствия, ни памяти, ни учёта. А ведь каждый из них вправе был заявить словами платоновского механика: "без меня народ не полный"!

Мы не найдем сегодня цифр, отражающих истинный исход из кавказских республик. Однако именно об этом можем судить по переписным документам. Так, по данным всесоюзной переписи 1989 г., из 1,27 млн. жителей ЧИАССР чеченцев было 734,5 тыс. (58%), представителей других этносов около 500 тыс. (42%). Согласно всероссийской переписи 2002г. в ЧР проживало чеченцев – 1031,6 тыс. (93,5 %), а нечеченцев – 6,5%, а по итогам переписи 2010г. – 1206,6 (95,3 %) тыс., других народов – не более 4,3 %. За тот же самый период положительная динамика титульной нации и убыль представителей других народов отмечается в структуре населения Кабардино-Балкарской Республике и Республике Ингушетии. Северный Кавказ остаётся одним из немногих регионов России, где обеспечивается замещение поколения родителей их детьми. Этим можно объяснить прирост титульных наций в его субъектах. Но резкой убыли других народов трудно найти цивилизованное объяснение.

Заметим также, что в последние два десятилетия много северокавказских граждан оставили малую родину и разъехались по России, странам СНГ и далее зарубежье. Так, на Украине осело более 5 млн. нелегальных мигрантов (или 11,6% от всего населения). Наибольшее число нелегалов происходит из регионов Кавказа. Только в Одесской области, согласно исследованиям, находится более 10 тыс. выходцев из Чечни. "Кавказцы – основные криминальные игроки, которые заставляют говорить об этнической преступности в Украине", - говорится в специальном Отчёте

об исследовании нелегальной миграции, который не был предан широкой огласке во избежание обвинений в экстремизме⁴.

Только в страны ЕС выехали и проживают, по разным оценкам, от 200 до 250 тысяч чеченцев. Их нормы жизни и поведения нередко приводят в шок местное население и дискредитируют образ чеченца, который так долго европейским либералам казался безупречным. Это поняли уже и в самой Чечне. Так, в январе 2012 г., выступая на "круглом столе" по проблемам диаспоры, Р. Кадыров признал необходимость: "... более тесно взаимодействовать с чеченцами, проживающими за пределами республики. От их повседневного поведения, образа жизни зависит имидж всего народа. Молодежь должна понимать, что по их поведению судят обо всем народе. И за пределами республики они должны вести себя также достойно, как в собственном доме... Многие чеченцы, проживающие в городах России и за пределами страны, добились больших успехов в спорте, карьере и учебе. Однако проступок одного человека портит имидж всего народа.⁵".

С 16 апреля 2009 года в Чечне снят режим контртеррористической операции, действовавший почти десять лет. Антитеррористическую работу в республике лично возглавил Р. Кадыров. Есть разные точки зрения на феномен нынешней чеченской власти, все оценки не безупречны и все имеют свои сильные аргументы⁶. Такой парадокс! Однако, сосредоточив в своих руках власть и финансы, при поддержке из центра Р.Кадыров обеспечивает относительный порядок и безопасность в Чечне. На территории самой республики жизнь восстанавливается и наполняется событиями, даже такими естественными для европейской культуры и столь необычными для строгой чеченской традиции, как конкурсы дизайнерской восточной одежды, с амбициозными планами превратить Чечню в мировой центр высокой моды⁷. После мрачных лет разрухи и автоматных очередей это несомненный признак оздоровления жизни. Хорошеет, поражает размахом, роскошью и дороговизной новый архитектурный образ Грозного. Улицы заполнены в

основном молодыми и жизнерадостными людьми. Кажется: мир сюда пришёл навсегда.

Но автоматы не молчат, хотя в самой Чечне, они слышны реже, чем прежде: бандподполье переместилось на другие территории. По данным "Кавказского узла", за 2011 год в Чечне жертвами боестолкновений с применением оружия стали более 200 человек, в т.ч. убитых 95, раненых 106. Среди убитых, по официальным данным, 62 – считаются боевиками, 21 – военнослужащие и полиция и 12 – гражданское население⁸.

Вот на таком фоне медленно восстанавливается производственная сфера, основательно пострадавшая в период военных действий. В 2006 году рост валового регионального продукта Чечни составил 11,9 %, в 2007 году – 26,4 %, в 2008 году – 10,5 %. В 2009 г. объём валового регионального продукта превысил 64,1 млрд. рублей. В оживающей экономике республики немало мест, требующих приложения трудовых рук. Однако, по данным ФСС за 2010 г., из 544 тысяч экономически активного населения Чечни 235 тыс. (43,1%) – безработные. Выше безработица только в Ингушетии – 49,7%. В основном это самые трудоспособные возрастные группы – от 20 до 59 лет⁹. (Для сравнения: в РФ безработица составляет – 7,5%; в СКФО – 16,9%, самый низкая по округу в Ставропольском крае – 6,9%).

Назначение полпредом Президента России в СКФО А.Хлопонина, успешного управленца и предпринимателя, талант которого вызрел и реализовался в рыночной экономике, вселяло надежду на быстрые и позитивные изменения именно в экономике. Федеральная власть наделила его максимумом возможных полномочий, чтобы повысить мобильность власти в субъектах округа и решать насущные экономические проблемы. Но и ему не всё удаётся сделать, прежде всего, потому что отсутствует продуманная политика центра в регионе. Утверждённая Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального

округа до 2025 г. представляет один вектор государственной политики – через экономические проекты улучшить социальный климат в регионе. Это важно, но недостаточно. К примеру, в последние годы дотационные субъекты СКФО были залиты большими деньгами из центра. Это мало сказалось на создании рабочих мест, на вовлечении трудоспособных безработных граждан в легальную занятость. Такие реалии пополняют ряды сторонников лозунга: "Хватит кормить Кавказ!". Линия на создание новых производств и предложений на рынке труда тесно привязана к поиску инвестора, который из-за небеспочвенного опасения многих рисков не очень торопится в регион. Поэтому основным "кормильцем" населения является федеральный бюджет. А отдельные примеры его расходования можно было принять за анекдот, если бы не горькая правда. Так, по признанию А. Хлопонина, "*...Бывает, в поселке, где проживает 100 человек, 50 человек – это работники администрации этого поселка. Мы понимаем, что есть перекоп, но ведь люди работают и получают зарплату*"¹⁰.

Федеральный центр постоянно наращивает затраты на социальные расходы и выплаты пособий. В экспертном сообществе справедливо считают, что этим способом власть консервирует существующее положение, демонстрирует слабость, порождает иждивенчество. Действительно, ни в одной стране такая практика не приносит хороших результатов. Рано или поздно дотации покажутся не только *само собой разумеющимися обязанностями государства, но и не достаточными для комфортной жизни* (вспомним, беспорядки в Великобритании, учинённые живущими на социальные пособия безработными).

Пока же структура региональных экономик критически зависит от федеральных денег. Наибольший объём приходится на Ингушетию и Чечню. Их консолидированные бюджеты на 90% состоят из дотаций, в Дагестане – на три четверти, в Карачаево-Черкесии, Северной Осетии-Алании, и Кабардино-Балкарии – более чем наполовину. Среднедушевой бюджетный

показатель на одного жителя Кавказа, по словам Президента России Д. Медведева, в шесть раз выше, чем на среднестатистического россиянина. Капитализация действующих инвестиционных проектов в СКФО превышает 5,5 млрд. евро, в их структуре значительная их доля – бюджетные средства.

На ноябрьском (2011 г.) совещании в СКФО глава Счетной палаты РФ С.Степашин, докладывая о результатах проверки целевого использования бюджетных средств в республиках округа, указал, что аудиторами выявлены нарушения на 18 млрд. рублей (в 2010 г. федеральный центр направил 167,8 млрд. рублей). Экспертами данные оцениваются как не в полной мере соответствующие реальности, фактические хищения в разы превышают официально установленные цифры. Стоит ли обвинять в экстремизме СМИ, финансовых аналитиков или политиков, акцентирующих тему бессмысленного, особенно в условиях перманентно обостряющегося кризиса, финансирования убыточных и бесперспективных в экономическом плане субъектов кавказского региона в ущерб другим субъектам Федерации?

Недовольство бюджетным неравноправием нередко выливается в протестные настроения со стороны тех социальных групп, кто трудом создаёт национальный продукт, но недополучает в результате такой финансовой политики. Особенно эти настроения усиливаются после того, как становятся известными расточительные траты и воровство бюджетных денег в высоккодотированных территориях, или после высказываний глав исполнительной власти, что деньги региону "дает Аллах".

Данные отдельных социологических опросов указывают на тенденции нарастающего недовольства россиян чрезмерным субсидированием кавказских республик. Респондентов возмущает существующее состояние бесконтрольности и безответственности за расходование бюджетных денег. Счетной палате ещё предстоит проверить в СКФО правомерность и эффективность освоения бюджетных ассигнований за 2011 год, а

Генеральная прокуратура уже выявила сумму хищения, равную 2,5 млрд. рублей. Правоохранительные органы слабо используют правовые инструменты к возмещению вреда: посредством судопроизводства (гражданского и уголовного) возмещено менее 3% от суммы ущерба (всего 69 млн. рублей).

Преступная среда хорошо знает местные традиции. Поэтому стремится к установлению контактов с "сидящими на бюджетных потоках" чиновниками. Регион превратился во всероссийскую "прачечную". Это не секрет и для федеральной власти. Об этом сказал в интервью А.Хлопонин: "Центр *отмывания*, который ещё три года назад был в Москве и Санкт-Петербурге, переместился на Кавказ. Зачастую филиалы каких-то непонятных мелких банков, которые зарегистрированы в других регионах, появляются здесь и осуществляют процедуру обналички. <...> С другой стороны, у нас в округе нет развитой банковской системы. По большому счету на Кавказе представлены только Сбер, ВТБ – в меньшей степени и Россельхозбанк. Что говорить, у нас в Чечне до сих пор работают военно-полевые кассы.¹¹".

Проблему хищений и коррупции на Северном Кавказе Президент Д.Медведев назвал непосредственной угрозой национальной безопасности и фактом прямого пособничества сепаратистам, бандитам и террористам. Борьба с ней на Кавказе сложна, т.к. все отношения в регионе, включая коррупционные, носят специфический клановый характер (*заметим, внутри кавказского социума клановость является частью национальной традиции и определяет механизм взаимодействия по горизонтали и вертикали*). Конечно, это совсем не новость, сегодня клановость стала привычной формой сопряженных с злоупотреблениями неслужебных связей чиновничества во всей России¹², да и по размаху коррупции ещё неизвестно кто кому даст фору. Но констатацией факта тему нельзя закрыть, поскольку и на Кавказе, и в других регионах России сложившееся положение вызывает

нестерпимое раздражение народа и недоверие к должностным лицам, облечённым высокой властью.

К сожалению, не создан действенный механизм оперативного выявления и реагирования на факты преступного распоряжения бюджетными деньгами. В Центральной России иногда становятся известными судебные процессы против вороватых чиновников. На Кавказе же таковых не замечено, никто никого "не сдаёт". Беснаказанность вдохновляет расхитителей.

Экономика и бизнес не развиваются потому, что к ним нужно приложить немалый труд и результат совсем не обязательно сделает работника или предпринимателя богатым. Потому мерилom успеха и авторитета стала работа чиновника. Должности стали рыночным товаром, но сколь почётным, столь и рискованным. Принципиальные и несговорчивые попадают в прорезь прицела, особенно работники правоохранительной сферы и администраций. Вопрос организации дееспособной и честной власти очень остро стоит в стране вообще, а на Кавказе – особенно. Сейчас, когда принципы формирования органов власти будут больше опираться на избирательные процедуры, нужны надёжные инструменты наблюдения за избирательным процессом, за прозрачностью механизма принятия решений. Наконец, принцип неотвратимости ответственности за преступления обществу интересен не как декларация, а как действительная гарантия верховенства закона в правовом государстве.

Криминальный потенциал на Северном Кавказе сохраняет высокую активность. Если в целом по России количество совершённых и зарегистрированных преступлений сократилось на 11,2%, то в округе уменьшилось только на 3,4%. Более того, из всех федеральных округов СКФО – единственный в стране, **в субъектах которого в 2011 г.**

зарегистрирован рост преступлений: в Ингушетии на 9,7%, в Дагестане – на 3,5%, в Чечне – на 2,1%.

Семь субъектов этого округа возглавляют десятку российских регионов с наиболее высоким удельным весом лиц, в момент совершения преступлений не имевших постоянного источника дохода (т.е. из общего числа выявленных преступников их доля в Дагестане – 81,8%; Кабардино-Балкарии – 81,2%; Карачаево-Черкесии – 79,6%; Чечня – 78,4%; Северная Осетия – Алания – 76,9%; Ингушетия – 75,5%; Ставропольский край – 74,1%). А Карачаево-Черкесия, Ингушетия и Дагестан входят в десятку регионов с наибольшим удельным весом ранее судимых за совершение преступлений.

По заявлению Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Н. Патрушева, 90 % от числа зарегистрированных террористических преступлений совершается в СКФО¹³. В 2011 году их жертвами стали не менее 1378 человек. В том числе 750 человек убиты, еще как минимум 628 получили ранения. По меньшей мере 180 человек погибли за первые два месяца 2012 года. Таковы итоги подсчетов "Кавказского узла"¹⁴, основанные на информации из открытых источников.

Бандитское подполье сегодня по-хозяйски чувствует себя в Дагестане. В 2011 году жертвами нападений со стороны бандформирований в республике стали не менее 824 человек, из них 413 человек погибли и 411 получили ранения различной степени тяжести. По сравнению с 2010 годом число жертв выросло более чем на 20%, в основном гражданское население.

Длившаяся почти восемь месяцев (с февраля по ноябрь 2011 г.) контртеррористическая операция в Кабардино-Балкарии "зачистила" базы диверсионно-террористического подполья и основательно потрепала ряды боевиков. По заявлению одного из руководителей Следственного комитета РФ по КБР В. Устова, сейчас подполье в Республике "не такое мощное, как

ранее, но оно оказывает влияние на криминогенную обстановку в Кабардино-Балкарии". Он же обнародовал данные правоохранительных органов, согласно которым в Кабардино-Балкарии членов бандподполья, а также сочувствующих и помогающих им – 874 человека. Эти цифры подвергают сомнению правозащитные организации, в частности, "Мемориал".

Вопрос о численности бандформирований на Северном Кавказе по-прежнему остаётся до крайности запутанным. Руководители органов исполнительной власти называют одно число "шайтанов, бегающих в горах" (не обязательно завышенное), правозащитники руководствуются своими подсчётами, их арифметика очень лояльна к деструктивной части общества. Только, когда наступают события, подобно террористической атаке в Нальчике, становится ясно, что малыми силами такие рейды не совершаются. Нам уже приходилось высказываться на этот счёт, что при наличии воли не так уж сложно установить, кто из местных жителей где находится, чем занят, на что существует. Незначительная погрешность не помешает правильной оценке реально противостоящей силы и соответственно планировать дальнейшие действия.

Что представляет сегодня и за счёт каких ресурсов существует террористическое подполье на Кавказе? В начале 90-х годов преобладала точка зрения, что на путь терроризма становятся представители маргинальных слоёв, которые в силу раскола общества по имущественному признаку и невозможности найти себя в новой жизни таким способом пытаются привлечь внимание к своим проблемам. От этого заблуждения постепенно начали отказываться после того, как бандформирования возглавили представители отнюдь не низовых слоёв (Д.Дудаев, А. Масхадов, Ш.Басаев не были представителями обнищавшего сословия). Невозможность найти легальный заработок, конечно, выталкивает часть безработных в подполье. К сожалению, надо признать, что к бандитам присоединяются не только полуграмотные маргиналы. Сегодня экстремистские и воинственные

убеждения генерируют в массы хорошо образованные представители общественных организаций радикальной направленности и религиозных движений. Они успешно манипулируют примерами злоупотреблений действующих коррумпированных чиновников вперемешку с истинными и искажёнными фактами истории большой страны, неразрешёнными проблемами местных этносов, создают новые поводы для противостояний.

На сайте Национального антитеррористического комитета размещён единый список организаций, деятельность которых в судебном порядке признана террористической и запрещена. Всего их в списке 29 (*19 – террористических и 10 – экстремистских*). Проблема в том, что наличие запрета ещё не означает фактического прекращения существования этих генераторов опасности. Особенно на Кавказе, где сильны родовые, тейповые узы и существуют межэтнические притязания. Так, ещё в ноябре 2007 г. прекращена деятельность Кабардино-Балкарской региональной общественной организация "Совет старейшин балкарского народа КБР", но её лидеры именно в этом качестве продолжают ораторствовать на всех митинговых площадках с деструктивными заявлениями. Обстановка в этой Республике характеризуется как терроопасная. По данным республиканского МВД¹⁵, в ходе спецопераций уничтожена верхушка бандподполья. Однако в самом Нальчике и некоторых районах республики режим КТО вводится по 2-3 раза в месяц.

Без материальной поддержки, без снабжения оружием, боеприпасами, средствами связи и продовольствием, без средств на оплату наёмников длительное существование диверсионно-террористических групп было бы невозможно. Бандиты получают поддержку в виде "десятины на нужды Аллаха", которую каждый верующий мусульманин, иной раз даже сам того не ведая о предназначении своих пожертвований, сдаёт в общий котёл. Дань платят предприниматели и чиновники, особенно те, кто "осушает" бюджетные потоки.

Когда говорим о необходимости ликвидации финансовой базы терроризма, подразумеваем это направление противодействия как одно из ключевых. Однако, затраты на подготовку одного террориста-смертника и снаряжение для него пояса шахида в денежном выражении ничтожно малы, а результаты по размеру причинённого ущерба нередко не поддаются математическому измерению (как выразить в денежном эквиваленте гибель человека или десятков людей?). Исследования, проведённые АТЦ СНГ¹⁶, показали, что террорист-смертник остаётся самым распространённым и дешёвым способом совершения теракта, т.к. обходится всего в 150 долларов и не являются той суммой, которая легко могла быть выявлена в каналах международной финансовой системы. Тем более, что террористы всё чаще прибегают к услугам неформальных финансовых систем, где денежные операции не требуют бумажного сопровождения и свободны от каких-либо проверок. Финмониторинг РФ обнародовал список¹⁷ организаций и физических лиц, причастных к финансированию терроризма в Российской Федерации. В списке 401 зарубежная организация; 46 – доморощенных; 1510 физических лиц (*почти все – граждане РФ, 3-4 чел. Казахстан*). Важное замечание: названные цифры характеризуют только так называемую "открытую" часть списка субъектов, относительно которых вступили в силу судебные решения и факт их причастности к финансированию терроризма доказан в судебном процессе.

Преждевременно считать, что с приобретённым опытом мы познали глубинные истоки терроризма, его причины и современные трансформации. Серия терактов в таких благополучных в плане общественной безопасности государствах, как Казахстан, Белоруссия, наших самых близких партнёрах по Содружеству, показывают, что террористическая зараза распространяется вне познанной логики. Единственное, что безошибочно придётся принять как данность, что **терроризм остаётся той угрозой, которая ещё очень долго будет определять усилия человечества в сфере всеобщей безопасности.**

Вполне вероятно, что в условиях нарастающей угрозы продовольственного и сырьевого дефицита, терроризм будет решать исход борьбы за выживание.

Еще один парадокс истории. В советский период религиозная сфера была далеко отодвинута за пределы светской жизни. Не все верующие считали себя свободными в исповедании своих убеждений. Однако не припоминается, чтобы в этот период в обществе были открытые или скрытые брожения, связанные с противоречиями в толковании источников веры или с приверженностью верующих к тем или иным идеям (если это не сектанты, деятельность которых причиняла вред психическому и физическому здоровью). Сейчас, когда все вероисповедания равно свободны в духовном окормлении паствы, нельзя не обратить внимание, что существующие в конфессиональном сословии распри переносятся в мирскую жизнь и раскалывают гражданский мир. Когда святые отцы (любого вероисповедания и чина) без стеснения демонстрируют народу свои далеко не аскетские вкусы и пристрастия, при том, что существуют на пожертвования мирян (в том числе на "десятину" от дохода верующих), это создаёт конфликтную обстановку внутри духовенства и в массе людей дискредитирует авторитет всех священнослужителей. Сегодня под лозунгом борьбы за чистоту веры и нравственное служение главным символам веры совершаются тяжкие преступления и против народа, и против неугодных служителей. В исламе, например, слово имама раньше воспринималось беспрекословно, сегодня эти духовные отцы за миролюбивые проповеди нередко подвергаются физическому насилию и становятся жертвами. В Дагестане, например, за последние годы список погибших насчитывает 34 религиозных деятелей. Но другие их братья – в стенах мечетей и с кафедр медресе допускают экстремизм, в проповедях призывают к беспощадной войне с неверными. Известно, что многие полевые командиры обучались в исламских университетах на арабском Востоке и вернулись в Россию, преисполненные фанатизмом по отношению к иноверцам и изменникам внутри своей веры.

С религиозной темой тесно связана проблема национального мира. В современной России эти два крепко спаянных вопроса приблизились к опасной черте. Наши национальные лидеры пытаются смягчить краски простым способом: запретом на обсуждение, видимо, полагая, что "нет *темы* – нет проблемы". В канун кампании по смене двух ветвей власти 2011-2012 гг. Президент Д.А. Медведев предостерёг: "Все политические силы обязаны воздерживаться от использования националистической карты и раздувания ксенофобских настроений. Но не только в добровольном порядке... использование националистической карты, раздувание межнациональных конфликтов, религиозной розни – это еще и преступление"¹⁸. С этим не поспоришь, если речь идёт не о табу на обсуждение проблемы. Взвешенный поиск разумных средств исцеления общества необходим "по жизненным показаниям". Сегодня политкорректность доведена до такого абсурда, что любое упоминание национальности, расценивается как проявление нацизма, шовинизма и прочего –изма. Стоит поднять вопрос об этнической преступности, тут же получаешь ярлык. В Москве (в силу её столичного притяжения) самый высокий уровень преступности, совершаемой выходцами из других регионов и государств. Сказать, что разбойное нападение совершено азербайджанцем или дагестанцем, или ингушом, – нельзя. Неполиткорректно! Украинцем, русским, славянином – можно. И вот, в сводке происшествий сообщается: в Нефтекумском районе Ставрополья *местные жители* готовили теракты в предстоящие Пасху и майские праздники. Конечно, на Ставрополье представлены многие народы и нации. Скорее всего, читатель представит ставропольчанина "*ивановымпетровымсидоровым*". Из других источников узнаём: "... ими оказались Мурат-Али Бейбулов, Муратхан Нурлумбаев, и Заирхан Аджимусаев, Руслан Абдулкаримов". Эта информация важна для правоохранительных органов, которые будут выяснять мотивацию замышлявшихся преступлений, происхождение орудий и средств совершения преступлений и т.д. Думаю, что вслух народу нужно говорить всю правду.

Тогда соплеменники, стыдясь позора, раньше отведут своих братьев от преступных мыслей и дел.

Принятая ещё в 1996г. Концепция национальной политики содержит констатацию: "На государственном уровне ещё не утвердился системный, взвешенный взгляд на национальный вопрос. Не стали нормой при разработке и проведении государственной национальной политики опора на научный анализ и прогноз, учет общественного мнения и оценка последствий принимаемых решений". К сожалению, и спустя 15 лет это утверждение актуально. Даже беглый взгляд на историю национальных отношений даёт серьёзные основания утверждать, что это проблема сосуществования не сводится к ложно трактуемой формуле "русские и иные этносы", это более глубокая проблема отношений этносов (в том числе на Северном Кавказе) между собой. Поэтому вопрос о создании в Российской Федерации органа, ответственного за национальную политику, не снимается с дискуссии. Сегодня на федеральном уровне такого органа нет. Только в одном субъекте Федерации – в многонациональном Дагестане – есть республиканское Министерство по национальной политике и делам религий. В формате целой страны ответственность за национальную политику возложена на неприметный департамент в структуре Минрегионразвития, о существовании которого мало кто знает. Но какое-то (даже вполне приличное!) финансирование им осваивается, бумаги пишутся, командировки организуются, буклеты издаются...

Между тем, миннац мог бы стать медиатором всех процессов, которые происходят в разных сферах жизни. К примеру, в некоторых национальных республиках, в том числе на Северном Кавказе, русский язык подрастающее поколение не знает. Действующие стандарты образования позволяют перевести уроки русского языка или истории на факультатив. Но ведь сегодняшние дети завтра будут претендовать на места в престижных столичных вузах, на занятие престижными профессиями и т.д. Как им жить

без полноценного знания государственного языка? Миннац должен был бы следить за тем, чтобы все народы на равных правах получали оптимальные стандарты знаний, имели доступ к достижениям культуры и традициям других народов. Тогда бы толерантность воспитывалась естественно, сама по себе, к ней не нужно было бы никого принуждать.

Частично восполняют пробелы в исследовании влияния этноконфессиональных аспектов на состояние национальной безопасности различные общественные структуры. Но беда нашего времени в том, что все исследования и рекомендации, как правило, остаются там, где созданы. Казалось бы: это здорово, что гражданское общество берёт на себя ответственность за выработку предложений. Но, как в пословице: появилась гласность – исчезла слышимость. Это так (кстати, раньше было наоборот). Увы, у нас не принято слышать то, что исходит не из властных уст.

Проблема межэтнического неблагополучия существует и её решение не может отодвигаться или регулироваться на уровне окриков. Иначе можно не заметить, как решение национального вопроса сместится в криминальную плоскость. Это должны осознать политики, духовные наставники верующих всех конфессий, трезвомыслящие люди всех наций, все, кому дорог межнациональный мир.

Исходя из краткого анализа современных проблем на Северном Кавказе, можно сделать следующий вывод. Нестабильная, а временами взрывоопасная обстановка в северокавказском регионе сохранится, пока не будет окончательно подавлено террористическое подполье. В ближайшее время федеральная власть столкнётся с серьёзными испытаниями.

Во-первых, с вступлением в действие законодательства о выборах глав регионов. С учётом вышесказанного о клановости и коррумпированности, с учётом кавказского характера и специфической заинтересованности криминальных сил к продвижению во власть своих кандидатов принципы

демократии будут подвергнуты серьёзному натиску. Живой пример: в соседнем государстве – едва обретшей независимость Южной Осетии – выбор национального лидера едва не перерос в сокрушительное столкновение оппозиционных сил. Каждая сторона для себя требовала от Москвы поддержки и каждая – обвиняла Россию в тайных замыслах. Но Южная Осетия – за граница. На российской территории Северного Кавказа живут такие же темпераментные люди, и не во всей массе населения представления о народовластии устоялись в том значении, которое подразумевает Конституция Российской Федерации.

Во-вторых. Неразрешённость территориальных притязаний одних субъектов федерации к другим, что в условиях дефицита на Северном Кавказе земель, пригодных для сельхозпроизводства, представляет собой постоянно действующий вулкан, поддерживающий высокий градус политической и социальной напряженности. Причины существующих распрей лежат не только в советском периоде, но и гораздо глубже, в прошлых веках. Действовавший до сих пор принцип незыблемости конституционных границ совсем недавно дал осечку при изменении границ Москвы и Московской области. Инициатором стала федеральная власть. Этот пример может спровоцировать новый виток споров, которые на Северном Кавказе по земельному вопросу никогда не затихали.

В-третьих. Серьёзную проверку предстоит пройти федеральной власти на способность обеспечить безопасность в период Олимпийских Игр 2014 года. От этого зависит её авторитет в своей стране и в мировом сообществе. Это будет трудный экзамен и для политической элиты, и для органов власти, и для всего народа. Это будет период, когда деструктивные силы попытаются взять реванш.

В-четвёртых. В комплексе действий по нормализации национальных отношений на Северном Кавказе разрабатывать меры по сохранению русской

общины в национальных республиках, по недопущению дискриминационных ограничений при продвижении представителей нетитульных национальностей в системе государственной и муниципальной службы. Большая проблема социальной адаптации лиц, которые "вышли из леса" – вчерашних боевиков в условиях сохраняющейся вооружённой борьбы бандитского подполья против государства, а насилие и месть остаются основными способами выяснения отношений на бытовом уровне.

Можно продолжить перечень. Какую проблему Северного Кавказа ни возьми, она оказывается глубоко запущенной, требующей незамедлительных действий. И каждая в её нынешнем состоянии является угрозой национальной безопасности, прямо или косвенно поддерживает конфликтный потенциал в регионе.

Противодействие экстремизму на российском Кавказе будет зависеть от многих слагаемых: от дальнейшего совершенствования законодательства; от контроля за финансовыми операциями, подозреваемыми в целевом протеррористическом назначении (от *pro* и *contra*); от активности спецслужб, выявляющих каналы нелегальных поставок вооружения и наркотрафика; от активности гражданского общества в предупреждении и пресечении экстремистских проявлений; от последовательной работы по искоренению причин сепаратизма и национализма. Ни одно из названных составляющих само по себе не решает проблемы в целом и лишь в совокупности они минимизируют ущерб от потенциальных угроз.

По нашему мнению, дальнейшие решения должны быть направлены на развитие и укрепление экономики региона, что создало бы возможности роста благосостояния населения, вовлечения в этот процесс не находящей себе применения массы населения, минимизировало бы причины межнационального напряжения и способствовало созданию единой культурно-хозяйственной среды. Здравой идеей и экономически

востребованной могла бы стать инвентаризация и восстановление производств, пришедших в упадок в 90-е годы. Это решало бы и вторую проблему – создание рабочих мест, обеспечение занятости всего населения России (было бы ошибкой сужать названные проблемы до масштабов одного федерального округа, проблема актуальна для всех регионов). Упование в этом деле только на инициативу предпринимателей, как показывает время, во-первых, бессмысленно и не подкрепляется реальными результатами. Во-вторых, вполне правомерно ставит под сомнение целесообразность сохранения такого громоздкого и малоэффективного менеджмента на всех уровнях исполнительной власти.

Необходимо определить возможности восстановления деятельности обанкротившихся объектов и взять на государственный баланс (в федеральную собственность) предприятия, которые имеют перспективу выживания и функционирования. Например, Тырныаузский вольфрамомолибденовый комбинат. Ещё лет 20-25 назад это было уникальное крупнейшее в своей отрасли предприятие, обеспечивавшее ценной продукцией и сырьём отечественное народное хозяйство и экспорт, давало рабочие места нескольким тысячам человек. Сегодня это запущенный объект, который приспособлен бандитами как укрытие от федеральных сил.

Современная Россия в её новейшем времени насчитывает всего лишь два десятилетия. Весь этот период сопровождается тяжелыми ударами по её конституционным устоям, территориальной целостности, межнациональному миру и духовно-нравственному самочувствию населения. Эти удары мешают развитию страны, тормозят многие процессы в демографическом и экономическом развитии. Государство многое делает для преодоления возникающих угроз. Не всё получается, т.к. это опыт, аналогов которому предшествовавшая история не знает. Опыт наращивается через достижения и ошибки. Существующая проблема потребует и больших усилий, и времени. Вместе с тем, основополагающая задача и патриотический долг власти,

партий, всего гражданского общества состоит в том, чтобы отстаивать незыблемые принципы конституционного единства территорий, населяющих наций и народов, обеспечивать их безопасность и мирное развитие. Это искусство, которое заключается не в декларациях о намерении, а в конкретных делах, способных вызвать доверие и понимание граждан страны.

1 Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2010 г.

2<http://www.newsru.com/russia/22feb2012/baburikremlin.html>

3 Более глубокие исторические детали и оценки приведены в монографии: Анатолий Куликов, Валентин Рунов. "Кавказский лабиринт"// М., 2011, 423 с.

4 <http://www.bagnet.org/news/ukraine/160832>

5 <http://chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=10543>

6 Например, такие суждения: "вчерашний боевик, сегодня пользующийся авторитетом федерального центра" или "глубоко религиозный по убеждению и воспитанию мусульманин и редкостно циничный мирянин" и т.п.

7 <http://www.chechnyatoday.com/content/view/16209/330/>

8 <http://www.kavkaz-uzel.ru/rubric/1103>

9 http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_36/IssWWW.exe/Stg/d1/01-50.htm

10 <http://ria.ru/interview/20120210/562081539.html>

11 <http://ria.ru/interview/20120210/562081539.html>

12 В.В. Путин, выступая на форуме народов Юга России, подчеркнул, что клановость – это беда не только юга России, не только Северного Кавказа, но и значительной части российских территорий \\http://ria.ru/society/20120123/546993793.html

13 http://fedpress.ru/federal/polit/vlast/id_254380.html

14 <http://www.kavkaz-uzel.ru/rubric/1103>

15 <http://www.sknews.ru/regions/region07/52900-v-kbr-snimut-rezhim-kontrterroristicheskoy-operacii.html>

16 <http://rublogers.ru/2010/09/15/v-kazaxstane-obsuzhdayut-problemy-narkobiznesa-i-terrorizma.html>

17 <http://www.rg.ru/2011/07/06/perechen.html>

18 <http://www.president.kremlin.ru/news/13073>

Для экспертного обозрения "Наука – XXI век"